

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРИЧИНАХ ПУГАЧЕВСКОГО ВОССТАНИЯ 1773-1775 ГГ. В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII - НАЧАЛА XIX В.

© 2013 С.С. Кочережко*

Ключевые слова: восстание Е.И. Пугачева, восстание 1773-1775 гг., пугачевщина, императрица Екатерина II, российское дворянство, восприятие, представление, причины, мемуары, социальная психология.

Статья посвящена проблеме представления российского дворянства о причинах восстания под предводительством Е.И. Пугачева 1773-1775 гг. На основе мемуарных и эпистолярных источников реконструируются точки зрения дворян, выделяются различные подходы к объяснению происхождения пугачевщины.

“Не откроется ли начало сего смятения...”¹, - задавалась вопросом Екатерина II, ставя перед следственными комиссиями задачу выявления причин пугачевщины. Как же дворяне-современники объясняли возникновение этой “внутренней крамолы”?

Историографическое замечание

Проблема дворянского восприятия пугачевщины в целом и тем более проблема понимания ее причин дворянами до сих пор не становилась объектом специального исследования.

В дореволюционной историографии, носившей в целом фактографический характер, не было проведено анализа дворянских представлений о восстании Пугачева (но попытки поставить эту проблему были²), хотя историки приводили множество цитат из дворянской переписки.

Внутреннее противоречие между заранее заданными идеологическими позициями и результатами конкретных исследований, характерное для советской историографии в целом, проявилось и в исследованиях, касавшихся проблемы дворянского понимания причин Крестьянской войны 1773-1775 гг. Советские историки исходили из постулата о том, что “лагерь господствующих классов” не мог и не хотел понять “истинные” причины восстания, сводя их к слабости местных органов власти или к проискам агентов иностранных государств, старообрядцев или даже дворянской фронды. Но, признавая этот те-

зис, многие историки в других местах своих работ фактически опровергали его, указывая, что не только многие каратели, следствие и императрица, но и рядовые дворяне осознавали подлинное происхождение пугачевщины. Иногда историки указывали, что следствие по делу Пугачева императрица и дворянская элита понимали, но отказывались признавать глубинные причины пугачевщины³. Но иногда историки даже не пытались сгладить это противоречие, указывая, что “класс феодалов” “прекрасно понимал” и одновременно “не мог понять” социально-экономических причин восстания⁴.

Среди всех исследований, посвященных восстанию 1773-1775 гг., истории дворянского сословия в России и в целом эпохи Екатерины II, теме дворянского взгляда на пугачевщину наибольшее внимание уделено В.В. Мавродиным⁵, Р.В. Овчинниковым⁶, Е.Н. Марасиновой, Ю.Н. Смирновым и Л.П. Костыри⁷. Е.Н. Марасинова обосновывает тезис, что “господствующий класс феодалов прекрасно уловил антидворянскую и антибюрократическую направленность восстания”, но при этом “дворянство так и не увидело в низшем сословии противостоящую ему силу”, продолжая считать восставших “глупой презрительной чернью”⁸. Ю.Н. Смирнов пришел к выводу, что “многие лица из правительственного лагеря” видели причины восстания не в “основах общественного и государственного устройства”, а во взяточничестве, неправосудии местных властей⁹.

* Кочережко Сергей Сергеевич, аспирант Самарского государственного экономического университета. E-mail: cckoch@list.ru.

Таким образом, к настоящему моменту проблема дворянского объяснения причин восстания далека от разрешения. Актуальность обращения к ней обосновывается:

- ◆ недостаточной степенью ее изученности и ее важностью для изучения российской истории XVIII в.;

- ◆ переключением внимания современных историков от социально-экономических проблем в истории к социально-психологическим¹⁰;

- ◆ тем, что поведение человека определяется его знаниями и представлениями об окружающей действительности, которые не отражают ее в полной мере, но чаще всего искажают;

- ◆ тем, что для философии просвещения, распространявшейся в России во второй половине XVIII в., мнения и представления играли весьма важную роль (тезис Дидро о том, что “мнения правят миром”).

Исследование основано на обширной **источниковой базе**, которую составили более 900 единиц источников, авторами которых были почти 160 дворян. Анализировались только источники, созданные дворянами-современниками пугачевщины, т.е. написанные в течение последней трети XVIII - начале XIX в. (до войны 1812 г., которая признается рубежом в развитии дворянского сознания¹¹). Большая часть источников опубликована, некоторые не опубликованы и хранятся в фондах РГАДА и ОР РГБ в Москве. По видовой принадлежности весь комплекс источников делится на три группы: официально-деловая и частная дворянская переписка (870 документов), мемуары, воспоминания и дневниковые записи (24 произведения), а также государственные проекты (2 единицы). По степени информированности о восстании источники следует поделить на две группы: источники, созданные, во-первых, дворянами, которые непосредственно сталкивались с пугачевским движением, и, во-вторых, дворянами, знавшими о восстании от третьих лиц. Анализ источников был строго формализован и основывался на выделении в текстах каждого автора смысловых частей по аспекту восприятия восстания.

В данной статье необходимо остановиться на двух моментах: представления дворян о причинах пугачевщины в целом и дворянс-

кое объяснение перехода крестьян на сторону восстания в частности.

I. Дворянское понимание причин Пугачевского восстания в целом

Из всего изученного массива источников лишь 8% авторов напрямую подняли вопрос о происхождении восстания и его причинах (13 авторов из 161)¹². Их размышления о причинах пугачевщины значительно отличались друг от друга по объему и глубине: некоторые авторы выделяли причины восстания в отдельную тему в своих сочинениях, другие лишь вскользь упоминали о факторах, из-за которых разгорелся “бунт”. Наиболее системно к этому вопросу подошли П.С. Рунич в своих “Записках”, П.С. Потемкин в донесении императрице от 15 сентября 1774 г. и А.И. Свечин в своем пространном “экстракте”. Важно, что значительная часть коснувшихся этой проблемы авторов (П.И. Панин, П.С. Потемкин, С.И. Маврин, П.С. Рунич, Г.Р. Державин, А.И. Свечин) были не просто помещиками, а принимали непосредственное участие в подавлении движения и его расследовании и занимали высокие должностные посты. Таким образом, более 90% авторов не коснулись вопроса о причинах восстания.

Сравнительный анализ источников позволил выделить два подхода дворян к определению факторов, способствовавших возникновению Пугачевского восстания. Первый подход, который можно условно назвать “узким”, “локальным”, сводил причины “бунта” исключительно к проблеме яицких казаков (наиболее ярко и подробно такая позиция изложена у П.С. Потемкина, П.И. Рычкова, М.Н. Пекарского). Второй подход, который можно определить как “полный”, “панорамный”, признавал наличие и важность “казацкого вопроса”, но понимал причины восстания шире и помимо “казацкого вопроса” обнаруживал ряд других обстоятельств. Далее рассмотрим все названные дворянами причины восстания.

1. “Казацкий вопрос”. Все обращавшиеся к причинам пугачевщины дворяне признавали значительную роль “казацкого вопроса”. Это было связано с официальной позицией императрицы и правительства, объявивших яицких казаков и Е.И. Пугачева зачи-

нателями и главными виновниками восстания. Содержание “казацкого вопроса” сводится к следующему.

Яицкие казаки обладали особым характером, делавшим их склонными к бунту. Этот характер дворяне объясняли происхождением казачества из беглых крестьян и раскольников¹³. К характерным чертам особого характера яицких казаков дворяне относили, во-первых, приверженность раскольниковству, во-вторых, невежество, праздность, “всегдашнее и безмерное пьянство”¹⁴, в-третьих, приверженность давним привилегиям - государственным ассигнованиям на содержание казаков, известной степени свободы и особой системе управления - “казачьему кругу”.

Признавая особую природу яицких казаков, дворяне расходились во мнениях о том, какие именно причины побудили яицких казаков к волнениям в начале 1770-х гг. Можно выделить два подхода.

1) Некоторые авторы выдвигали на первый план конфликт казаков и государства как на личном уровне (казаки конфликтовали с поставленными над ними начальниками¹⁵), так и на государственном (недовольство казаков попытками государства перевести их на положение регулярных войск¹⁶). Свободолюбивость казаков приводила к тому, что “всякое повеление” воспринималась казаками “притеснением и обидою”¹⁷.

2) Другие авторы подчеркивали внутренне для самого казачества причины - расслоение казачества и межгрупповые конфликты. Речь шла о расколе на “атаманскую” и “войсковую” стороны яицкого войска из-за недосмотра имперских чиновников за ними¹⁸, а также вследствие недовольства войсковой стороны тем, что атаманы тратят общие средства на свои нужды и не дают отчета казачьему кругу в их использовании¹⁹.

Писавшие о казацких корнях пугачевщины дворяне связывали ее с восстанием на Яике 1772 г. П.С. Потемкин докладывал императрице, что поводом к пугачевщине стала попытка властей собрать штраф с восставших в 1772 г. казаков за их волнения: недовольство казаков вызвала несправедливая “раскладка ко взысканию денег”²⁰.

2. Прочие причины восстания. Итак, если часть дворянских авторов ограничивала свое понимание причин восстания “казац-

ким вопросом”, то другие представители благородного сословия (П.И. Панин, П.С. Потемкин, П.С. Рунич, А.И. Свечин и другие) помимо этого выделяли и более глубокие корни пугачевщины, которые в целом сводились к следующему.

1) Недостатки в системе власти: взяточничество и несправедливое судопроизводство, которое приводило к конфликту населения и власти. Полковник А.И. Свечин пришел к выводу, что главной причиной недовольств инородцев, помещичьих и заводских крестьян являются огромные масштабы взяточничества местных чиновников, судей и духовенства²¹.

Для изучения дворянского взгляда на причины восстания интересным представляются замечания княгини Е.Р. Дашковой, высказанные в одном из писем в марте 1774 г.²² По ее мнению, социальные конфликты обостряются, когда общество не заботится о каждом из своих членов, а происходит это из-за “худого”, “нерачительного” и “неправосудного” управления. И хотя сама княгиня напрямую не связывала эти идеи с пугачевщиной, но то, что высказаны они были именно на фоне восстания 1773-1775 гг., дает возможность косвенно отнести их к восстанию.

2) Другим фактором, приведшим к восстанию, некоторые дворяне посчитали наличие различных “взрывоопасных” слоев населения, а именно “инородцев” (башкиры, киргизы, татары, калмыки) и заводских крестьян. Большинство авторов сходились во мнении о беспричинности их агрессии. И.И. Михельсон писал об “инородцах”: “Я не могу понять причину жестокосердия сих народов”²³. Такое мнение соответствовало позиции императрицы. По вопросу о положении заводских крестьян выделяется позиция одного из главнокомандующих - подавление восстания князя Ф.Ф. Щербатова. Вопреки мнениям заводчиков Демидова и Твердышева он считал, что “жестокость, употребляемая от заводчиков с своими крестьянами, возбудила их к ненависти против своих господ”²⁴.

Советские историки подчеркивали, что “правительственному лагерю” было гораздо удобнее увидеть причины восстания в иностранной диверсии, чем во внутренних противоречиях²⁵. Однако изучение источников показывает, что версия об иностранном следе

в пугачевщине далеко не была распространена в дворянской среде. Напрямую этот вопрос поднимал лишь находившийся тогда за границей Г.Г. Орлов и предполагавший наличие французских происков в восстании: “Я только то знаю, что для нашего отечества великие недоброхоты французы”²⁶. Командование подавлением восстания не высказывало предположение об иностранных причинах пугачевщины ни во время волнений, ни после них.

II. Дворянское объяснение причин перехода крестьян на сторону восстания

Дворяне, многие из которых вели помещичий образ жизни, не могли не задаться вопросом, почему мирные в повседневной жизни крестьяне вдруг начали ожесточенно грабить и уничтожать своих “бар”. Вопросы о причинах перехода крестьян на сторону пугачевцев коснулись 22 авторов.

Во всем множестве и разнообразии дворянских объяснений поддержки крестьянами пугачевцев можно выделить две составные части. Первую можно условно назвать механизмами перехода крестьян на сторону пугачевцев (выражаясь языком историков, поводами), а вторую - причинами.

1. Поводы (механизмы) перехода крестьян на сторону пугачевцев. Поводов, внешних каналов, в результате воздействия которых крестьянство становилось приверженным пугачевцам, дворяне обычно называли два. Во-первых, пугачевская агитация - распространение манифестов “императора Петра Федоровича” среди крестьян. Во-вторых, это специально созданная дворянами конструкция “дух бунта”, которая подразумевала появление у крестьян веры в возможность и справедливость выступления против господ и “местных начальств”. Эту веру вызывают два условия: слухи о приближении пугачевцев и о слабости местной власти. Именно из этого исходили главнокомандующие подавлением восстания: А.И. Бибиков, когда писал, что важен не Пугачев, а “дух бунта”²⁷, и П.И. Панин, отмечавший, что “один звук пушек много уже в черни производит”²⁸.

2. Причины поддержки восстания крестьянами. Что касается причин, т.е. не внешних, а внутренних, более глубоких в

сравнении с поводами, факторов, толкавших крестьян к переходу на сторону бунтовщиков, то дворяне выдвинули целый букет этих причин, тщательно обходя социально-экономические проблемы и тему крепостничества. Все упомянутые дворянами причины можно разделить на три группы.

1) К первой группе можно отнести веру крестьян в то, что Пугачев - истинный Петр III, страх крестьян за свою жизнь, а также стремление крестьян награть и нажиться на восстании. Многие дворяне подчеркивали меркантильные интересы крестьян в восстании, рассказывая истории о том, как крестьяне полностью разграбляли помещичье имущество и не казнили пойманных ими своих господ, а либо требовали у них деньги²⁹, либо сдавали пугачевским властям с целью получения вознаграждения³⁰.

2) Ко второй группе следует отнести две причины, которые стали шагом к более глубокому пониманию происхождения крестьянских волнений. Во-первых, это стремление крестьян отомстить своим помещикам из-за жестокого обращения. М.А. Слесарев приводит слова крестьян: “...ваши-де мужья крестьян как били не боялись, а вы так теперь и смерти стали бояться”³¹. Дворяне, признававшие этот мотив, как правило, подчеркивали особую жестокость крестьянских расправ с помещиками и указывали на беспощадные погромы дворянского имущества уже после его грабежа³².

Во-вторых, некоторые дворяне (П.И. Панин, П.С. Потемкин, А.И. Свечин), как указывалось выше, признавали неадекватность местной системы исполнительной и судебной власти, пронизанной взяточничеством и пристрастием, что не могло не вызывать мощное недовольство снизу.

3) Наиболее глубокий взгляд на мотивы крестьянской поддержки пугачевцев изложили 12 авторов из 161 в целом и из 22 касавшихся причин перехода крестьян на сторону восставших. Его изложили в основном должностные лица, непосредственно участвовавшие в подавлении восстания. Их понимание причин перехода крестьян на сторону восстания реконструируется чаще всего по тем обещаниям Пугачева крестьянам, которые приводят эти авторы в своих текстах.

♦ Недовольство крестьян слишком тяжелыми податями и повинностями как в пользу

помещика (поэтому крестьяне “бунтовали о десятинной пашне и оброчном окладе”), так и в пользу государства, а также стремление либо к снижению “подушного оклада токмо по три копейки с души”, либо вовсе к отмене повинностей (“взятья рекрут и прочих податей на десять лет не будет”, “солдатчины с крестьян никогда не будет”³³).

◆ Недовольство крестьян неудобным порядком землепользования и вмешательством помещика в хозяйственные дела крестьянской общины³⁴.

◆ Стремление помещичьих крестьян перейти в разряд государственных. Акцентирование внимания на различии в положении частновладельческих и государственных крестьян было крайне редким в среде дворянских авторов. Лишь один воевода г. Бирска Ф. Моисеев рапортовал, что боярским людям при их присяге Пугачеву объявили, что “де они теперь не боярские, а государевы”, чем вызвали горячее одобрение со стороны крестьян³⁵.

◆ Стремление крепостных к “воле”, которую дворяне понимали иногда как свободу от несения повинностей³⁶, а иногда и как полное освобождение от власти помещика (быть “от помещиков свободными”³⁷).

III. Выводы

1. Подавляющее большинство дворян (более 90%) в своих мемуарах и переписке не касались проблемы причин восстания и причин перехода крестьян на сторону пугачевцев.

2. Почти все историки утверждают, что важнейшей причиной перехода крестьян на сторону пугачевцев была крепостная зависимость, бесправное и тяжелое положение крестьянства. Но дворяне, ставшие очевидцами восстания 1773-1775 гг., настойчиво избегали упоминания крепостного права, тяжелого положения крестьян, угнетения их помещиками в качестве причины пугачевщины. Парадоксальность ситуации в том, что почти все дворяне понимали антидворянскую (или даже более узко - антипомещичью) направленность восстания, но не писали о ее связи с крепостничеством.

3. Как объяснить столь настойчивое избегание дворянами упоминания крепостничества в качестве причин пугачевщины? Понимали ли дворяне связь между крепостниче-

ством и стремлением крестьян расправиться с помещиками? На этот вопрос может быть два ответа. Возможно, дворяне в действительности понимали крепостное право как причину восстания, но не желали формально этого признавать, видя в крепостничестве основу существующего строя и собственного благосостояния. Такой ответ близок к духу советской историографии. В нем есть рациональное звено: во второй половине царствования Екатерины тема крепостного права оказалась запретной (в отличие от первой половины, когда был проведен конкурс ВЭО и действовала Уложенная комиссия). Можно предположить, что такой подход более характерен для высшего звена дворянского сословия - сановников, занимавших высшие государственные должности.

Но есть другой ответ, более, на наш взгляд, соответствующий менталитету большинства дворян (особенно средних и мелких) екатерининской эпохи. Многие представители дворянства искренне позитивно оценивали крепостное право. Это объясняется распространенными представлениями дворян о “темноте” крестьян, о помещике как “отце”, заботящемся о своих “детях” - крепостных, а также о неспособности крестьян самостоятельно вести хозяйство без присмотра со стороны помещика³⁸. Из этого делался вывод, что интересы помещика не противостоят интересам крестьян, поэтому дворяне склонны были объяснять пугачевщину любыми причинами, кроме крепостной зависимости.

Таким образом, основная масса помещичьего дворянства не поняла социально-экономической подоплеку восстания, сводя его происхождение либо к психологическим причинам (низкий уровень развития крестьянского сознания), либо к недостаткам местной власти (взяточничество и несправедливое правосудие). В связи с изложенным следует прокомментировать тезис Е.Н. Марасиновой о том, что “дворянство так и не увидело в низшем сословии противостоящую ему силу”³⁹. Противостоящую силу дворянство в восставших крестьянах, безусловно, увидело, но не осознало идеологического обоснования этой силы - не увидело, что называли советские историки, антикрепостнической направленности (хотя прекрасно увидело антипомещичью и антидворянскую).

¹ Рескрипт Екатерины II А.И. Бибикову от 29 ноября 1773 г. // Грот Я.К. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. Записки Императорской Академии Наук. Т. I. СПб., 1862. Прил. □ 4. С. 38.

² См.: *Мордовцев Д.Л.* Русские государственные деятели прошлого века и Пугачев // Отечественные записки. 1868. Т. 179. □ 8. С. 419-485; 1868. Т. 180. □ 9. С. 85-144; *Брикнер А.Г.* История Екатерины Великой. М., 2004. С. 255; *Иконников В.С.* Время Екатерины Второй. Специальный курс, составленный по лекциям. Киев, 1882. Вып. IV. С. 491.

³ *Андрющенко А.И.* Крестьянская война 1773-75 гг. М., 1969. С. 32; Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Т. 3. Л., 1970. С. 415-416; *Овчинников Р.В.* Следствие и суд над Е.И. Пугачевым и его сподвижниками. М., 1995. С. 9, 16; *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 2004. С. 175-176.

⁴ *Буганов В.И.* Пугачев. М., 1984. С. 196, 366, 370-371.

⁵ *Мавродин В.В.* Восстание Пугачева в общественно-политической мысли, исторической науке и художественной литературе эпохи феодализма // Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 1. Л., 1961. С. 8-24.

⁶ *Овчинников Р.В.* Манифесты и указы Е.И. Пугачева. М., 1980. С. 99-100; *Он же.* Следствие и суд над Е.И. Пугачевым и его сподвижниками. М., 1995. С. 9, 16.

⁷ *Костыря Л.П.* Пугачевщина и формирование российского консерватизма // Российский консерватизм: теория и практика : сб. науч. тр. / под ред В.Ф. Мамонова. Челябинск, 1999.

⁸ *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 227-229.

⁹ *Смирнов Ю.Н.* Заволжский очаг и район восстания 1773-1775 годов // Поволжье - "внутренняя окраина" России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI - начало XX вв.). Самара, 2007. С. 154-155.

¹⁰ *Тагирова Н.Ф.* Становление основных направлений историко-экономических исследований в Самарском государственном экономическом университете // Вестн. Самар. гос. экон. ун-та. Самара, 2006. □ 2 (20). С. 260-264.

¹¹ *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII - первой половины XIX века: от рукописи к книге. М., 1991. С. 21-22; *Пекарский П.П.* Русские мемуары XVIII века // Современник. 1855. □ 4. С. 58.

¹² П.И. Панин, П.С. Потемкин, С.И. Маврин, П.С. Рунич, Г.Р. Державин, М.Н. Пекарский, А.М. Лунин, А.И. Свечин, П.И. Рычков, неизвестный автор анонимной рукописи об осаде Оренбур-

га (хранящейся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее - ОР РГБ)), А.В. Папав, Г.Г. Орлов, Е.Р. Дашкова (косвенно).

¹³ Записки сенатора Павла Степановича Рунича // Русская старина. 1870. Т. 2. СПб., 1875. С. 69; Осада Оренбурга (Летопись Рычкова) // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 9. Кн. 2. С. 209.

¹⁴ Осада Оренбурга (Летопись Рычкова) // Там же. С. 323.

¹⁵ Письмо Маврина С.И. Лукину А.М. от 12 августа 1774 г. // ОР РГБ. Ф. 222. Картон 9. Д. 1. Л. 12.

¹⁶ Записки полковника Пекарского... // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 9. Кн. 2. С. 598-599; Осада Оренбурга (Летопись Рычкова) // Там же. С. 247; *Папав А.В.* Против Пугачева // Русская старина. 1904. Т. 118. □ 6. С. 657; Письмо Панина П.И. Екатерине II от 4 августа 1774 г. // Грот Я.К. Материалы для истории Пугачевского бунта. Записки Императорской Академии Наук. СПб., 1863. Т. III. Прил. □ 4. С. 27.

¹⁷ Донесение Потемкина П.С. Екатерине II от 15 сентября 1774 г. // Грот Я.К. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и поимке Пугачева. Записки Императорской Академии Наук. СПб., 1875. Т. XXV. Приложения. С. 78-80, 85.

¹⁸ Осада Оренбурга (Летопись Рычкова) // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 9. Кн. 2. С. 206. См. также: Дневник неизвестного лица... // ОР РГБ. Ф. 92. Д. 12. Л. 1 - 1 (об.).

¹⁹ Донесение Потемкина П.С. Екатерине II от 15 сентября 1774 г. // Грот Я.К. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и поимке Пугачева. Записки Императорской Академии Наук. Т. XXV. Прил. □ 4. СПб., 1875. С. 81-82; Рапорт Маврина С.И. от 17 августа 1774 г. // ОР РГБ. Ф. 222. Картон 9. Д. 1. Л. 27.

²⁰ Донесение Потемкина П.С. Екатерине II от 15 сентября 1774 г. // Грот Я.К. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и поимке Пугачева. С. 95-96.

²¹ Экстракт Свечина А.И. Панину П.И. // Пугачевщина. Т. 2. М.-Л., 1930. С. 8-40.

²² Письмо Дашковой Е.Р. Куракину А.Б. от 15 марта 1774 г. // Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. VII. Саратов, 1898. С. 279-280.

²³ Рапорт Михельсона И.И. Бибикову А.И. от 24 марта 1774 г. // Крестьянская война 1773-1775 гг. на территории Башкирии : сб. док. Уфа, 1975. С. 115; Рапорт Михельсона И.И. Щербатову Ф.Ф. от 22 мая 1774 г. // Там же. С. 154.

²⁴ Письмо Щербатова Ф.Ф. Рейнсдорпу И.А. от 16 июня 1774 г. // Там же. С. 191.

- ²⁵ Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И. Пугачева. М., 1980. С. 99-100.
- ²⁶ Письмо Орлова Г.Г. Потемкину Г.А. от 25 сентября 1774 // Русский архив. 1876. Кн. II. □ 5. С. 6.
- ²⁷ Письмо Бибикова А.И. Екатерине II от 5 февраля 1774 г. // Там же. С. 57; Письмо Бибикова А.И. Екатерине II от 2 марта 1774 г. // Там же. С. 61; Письмо Бибикова А.И. Фонвизину Д.И. от 29 ноября 1774 г. // Бибиков А.А. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. М., 1865. С. 76; Письмо Бибикова А.И. Чернышеву З.Г. от 24 января 1774 г. // Там же. С. 85.
- ²⁸ Ордер Панина П.И. Михельсону И.И. от 2 августа 1774 г. // Пугачевщина. Т. 3. М.-Л., 1931. С. 285.
- ²⁹ Письмо помещицы Лопатиной П. из Арзамаса от 19 сентября 1774 г. // Русская старина. 1874. Т. 10. □ 7. С. 617-618.
- ³⁰ Мертваго Д.Б. Записки // Екатерина II. Фасад и задворки империи. История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII-XX вв. М., 2007. С. 110-111.
- ³¹ Слесарев М.А. Известие... // Источник. Документы русской истории. □ 5 (65). 2003. С. 10.
- ³² Записки И.И. Мешкова // Русский архив. 1905. Кн. 2. □ 6. С. 180.
- ³³ Ведомость Чичерина Д. и Резанова П. о волнениях селений Сибирской губернии // Пугачевщина. Т. 3. С. 32; Доношение из Тамбовской провинциальной канцелярии Панину П.И. от 15 августа 1774 г. // Там же. С. 147-148; Панаев А.В. Против Пугачева // Русская старина. 1904. Т. 118. □ 6. С. 657; Письмо Панина П.И. Екатерине II от 6 сентября 1774 г. // Сборник РИО. Т. 6. С. 132; Сообщение Рейнсдорпа И.А. от 16 ноября 1773 г. // Пугачевщина. Т. 3. С. 232.
- ³⁴ Слесарев М.А. Известие... // Источник. Документы русской истории. □ 5 (65). 2003. С. 6.
- ³⁵ Сообщение воеводы Бирска Моисеева Ф. в Мензелинскую воеводскую канцелярию от 4 декабря 1773 г. // Крестьянская война 1773-1775 гг. на территории Башкирии. С. 63.
- ³⁶ Записки Льва Николаевича Энгельгардта. 1766-1836. М., 1868. С. 4.
- ³⁷ Державин Г.Р. Записки (1743-1812). Т. 3. М., 1860. С. 86; Доношение Кудрявцева И. из Казанской губернской канцелярии в Сенат от 24 июля 1774 г. // Пугачевщина. Т. 3. С. 40; Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим... Т. 1. СПб., 2004. Т. 1. С. 35.
- ³⁸ См., например: Карамзин Н.М. Письмо сельского жителя // Карамзин Н.М. О древней и новой России. М., 2002. С. 217-222. Анализ данного произведения см.: Рыжков В.С. "Домостроительство" и политика: Место представлений о правильном устройстве сельского поместья в системе общественно-политических взглядов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в. М., 2012. С. 356-374.
- ³⁹ Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 228-229.

Поступила в редакцию 10.04.2013 г.